

В.А. Черкасов

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

АГИОГРАФИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС ОБРАЗА ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ В РАССКАЗЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «МАТРЕНИН ДВОР»

В данной статье анализируется мотивная структура «Жития Юлиании Лазаревской» в качестве источника жизнеописания заглавной героини в рассказе А.И. Солженицына «Матренин двор». Многие ключевые мотивы, составившие образ Матрены, входят в корпус топики древнерусской агиографии. Однако писатель их существенно адаптировал к социально-политическим реалиям России 1950-х гг. Активное употребление агиографической топики при создании образа Матрены Васильевны Григорьевой свидетельствует о релевантности религиозно-идеологического плана для творчества А.И. Солженицына в целом.

А.И. Солженицын, «Матренин двор», «Житие Юлиании Лазаревской», агиография, топка.

Как показывает анализ существующей литературы, тема нашей статьи не является первооткрывательской в солженицыноведении. В самом общем виде сходство главной героини рассказа А.И. Солженицына «Матренин двор» Матрены Васильевны Григорьевой с героями древнерусской житийной литературы отмечали М.В. Ковтун [3] и М.В. Шунков [10]. В комментариях к рассказу А.В. Урманов указал на повторяющиеся в жизнеописании Матрены Васильевны мотивы из «Жития Сергия Радонежского» как образцового для древнерусской агиографии текста [9]. На наш взгляд, стремление А.В. Урманова конкретизировать генезис образа Матрены Васильевны не случаен и мотивирован герметичностью солженицынского дискурса в «Матренином дворе». Согласно письму А.И. Солженицына А.В. Урманову от 27 ноября 1999 г., эта герметичность была обусловлена прежде всего неблагоприятными политическими обстоятельствами: *Некоторые авторы в своем анализе странно упускают (забывают?) обстоятельства публикации «Матрениного двора» и главное – читателя 60-х годов. Кто бы и как мог тогда публиковать еще одни «Живые мощи» и умиляться православием? Для писателя XX столетия вера могла быть так же органична, как и для писателя XIX, – но не поддавалась прямому тексту, она могла только просвечивать* [9, с. 146]. Из этого авторского признания выясняется актуальность нашего исследования, целью которого является дальнейшая конкретизация агиографического генезиса образа Матрены Васильевны Григорьевой, имеющего конструктивное значение для выявления релевантности религиозно-идеологического плана не только в рассматриваемом рассказе, но и в творчестве писателя в целом.

Прежде всего необходимо уточнить архетипический источник образа Матрены Васильевны. На наш взгляд, им является святая Юлиания Лазаревская, почитаемая в Муромском крае, чье житие было создано в XVII в. Это было бы логичнее утверждения А.В. Урманова о непосредственной связи героини А.И. Солженицына с образом Сергия Радонежского и

с гендерной, и с социальной, и с географической точкой зрения.

Юлиания Лазаревская, в миру Ульяния Устиновна Осорьина, была помещицей, жившей на рубеже XVI–XVII вв. Выйдя замуж, будущая святая попадает в такую семью, где ей приходится трудиться целыми днями. Однако настоящее свое призвание Юлиания видит в социальном служении, то есть, как сказано в комментарии Т.Р. Руди к «Житию Юлиании Лазаревской», *в той «любви нелицемерной» к ближнему, которую она проповедовала и «делом исполняла»: помогала всем нуждающимся в заботе – вдовам и сиротам, нищим и убогим* [4, с. 613]. Как сказано в ее житии: *...она <...> по вся ноци без сна пребываше, в молбах и в рукодѣлши, и в прядиве, и в пяличном дѣле. И то продавъ, нищим цѣну <вырученные деньги> даише и на церковное строение; многу же милостивно отаи <тайно> творяше в ноци, в день же домовное строение правяще. Вдовами и сиротами, аки истовая мать, печашеся, своима рукама омываше, и кормяше, и напаяя* [1, т. 15, с. 109]. Как отмечает Т.Р. Руди, мотив «бессонного жития» Юлиании является общим местом древнерусских агиографий: *В Житии Юлиании Лазаревской этот мотив соединен с другими аскетическими мотивами, характерными для житий преподобных, которые, составляя в нем разработанную систему топосов, приближают это житие праведницы-мирянки к типу монашеских житий: «Сна же толико с вечера час един или два приимаше, возлегаше бо на печи бес постели, дрова точию острыми странами к телу подстилаше и ключи железныя под ребра подкладале. От тех же дров и возглавие имяше. И тако тело свое удручаше, не яко покоя хотяше, но толико возлегаше, донелиже раби ея усыпаху. И со слезами Бога моляше до заутреннего клепания, и потом к церкви на заутреню хождаше и на литоргию»* [8, с. 481]. Юлиания за всю свою жизнь ни на шаг не отступила от исполнения этого призвания. Даже во время великого голода она помогала нищим и, когда свекровь сделала ей по этому поводу замечание, пошла на сознательный обман, сказав, что

ей необходимо дополнительное питание из-за родов. Юлиания знала, что у них в доме всего обильно, хлеба и встѣхъ потреб [1, т. 15, с. 110]. Ради помощи нищим, которым она отдавала последнее, Юлиания пренебрегала своей одеждой: *...без теплыя одежды в зиму хождаше, в сапоги же босыма ногами обувашеся...* [1, т. 15, с. 111]. По наблюдению Т.Р. Руди, мотив небрежения своей одеждой является составной частью агиографического топоса *аскетических подвигов святого, основными из которых являются пост и различные формы «томления тела»* [8, с. 477]. Юлиания объясняет практикуемую ею строгую аскезу высшей задачей спасения своей души: *Да убью тело мое и порабощу е, да спасется дух мой в день Господа нашего Иисуса Христа* [8, с. 479]. Следует заметить глубокую сознательность Юлиании в совершении ею подвижнических подвигов.

Социальное служение Юлиании вызывало насмешки со стороны окружающих. Однако и это не отвратило ее от исполнения своего долга. Т.Р. Руди в этой связи отмечает характерный для данного фрагмента жития топос столпа: *Говоря о том, что «блаженная от невеликих быше посмеяема о добрых делех», автор замечает: «Но никоеяже споны солнечной красоте сотвори знойная нечистота, бе бо яко столп, основан на камени, ему же река припаде и возвеяху ветри, но никакже возмогоша поколебати»* [7, с. 219].

Из тринадцати детей Юлиании шестеро умерли в младенчестве. Затем она потеряла двоих взрослых сыновей. Но она, как подобает святой, с кротостью и терпением переносит эти несчастья. В этой связи Т.Р. Руди отмечает агиографический топос *святой – столп терпения, имеющий библейское происхождение, так как опирается на сюжет о долготерпении праведного Иова* [7, с. 216]. По словам ученого, этот топос часто использовался в *житийных сюжетах, повествующих о потере святым близких. Так, в «Житии Юлиании Лазаревской», рассказывающем о том, что шестеро из тринадцати детей святой умерли во младенчестве, говорится «О умерших же младенцах благодаряше Бога, по Иову глаголющее “Господь даде, Господь и взят”»* (Иов 1 21) [7, с. 217–218].

Ведение хозяйства настолько поглощает Юлианию, что она лишена возможности ходить в церковь, тем более что она была расположена далеко от дома. По словам автора жития, она была *смысломъ бо Господним наставляема нраву добродѣтельному* [1, т. 15, с. 109]. Во время венчания ей все-таки довелось выслушать наставления священника: *Она же внятно со всем прилежанием послуша Божественнаго учения и наказания, и яко земля блага, всеянное в ню с прибытком возрасте* [8, с. 470]. В сравнении Юлиании с *благодоброплодной земли, восходящей к евангельской притче о сеятеле: В Житии Юлиании Лазаревской топос «доброблодной земли» адаптирован к условиям мирской жизни: святая слушает наставления не игумена, а венчавшего ее и ее супруга Георгия священника Потатия...* [8, с. 470]. В борьбе с бесами Юлиании помогает сам святой Николай: *И абие явися ей святой Николае, держа книгу велику, и начат ея бити*

бесов, и тако разгнав всех, яко бо дым исчезоша и без вести быша [8, с. 484]. Т.Р. Руди утверждает, что в сценах борьбы святой с бесами используются *традиционные формулы* [8, с. 484], однако в приведенных исследовательницей многочисленных примерах мотив помощи святого Николая в борьбе с бесами содержится только в «Житии Юлиании Лазаревской».

Юлиания тщательно скрывает свою глубокую религиозность от откружающих. В этой связи Т.Р. Руди отмечает топос *нежелания славы от человек: В Житии Юлиании Лазаревской мотив нежелания «славы от человек» использован в эпизоде, повествующем о гласе от иконы Богородицы, открывшем священнику церкви села Лазарево, что «Дух святой на ней почивает». Юлиания запрещает рассказывать о случившемся кому-либо при жизни ее и после смерти: «Таково смирение имяше блаженная, яко и по смерти не хотя славы от человек». Так в житии монахини в миру реализуется еще один топос житий преподобных* [8, с. 490].

В сцене кончины Юлиании содержится целый ряд топосов преподобнического жития. Ее захоронение сопровождается, по словам Т.Р. Руди, *традиционной для христианской культуры символика света как божественного начала (ср. евангельские слова Христа «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин 8:12))* [7, с. 213]: *И вси видѣвшие около главы ея кругъ златъ, якоже на иконахъ околь главъ святыхъ пишется. И омывшее, положыше ю в клѣтъ, и в ту ночь видѣша свѣтъ, и свѣца горяща...* [1, т. 15, с. 113]. Когда спустя десять лет после захоронения довелось вскрыть гроб Юлиании, то обнаружились целыми ее ноги и бедра [1, т. 15, с. 114], что представляет собой посмертное чудо.

В целом, для «Жития Юлиании Лазаревской» характерно обилие реалистических, бытовых подробностей, что стало возможным только в XVII в. ореолом святости наделяется не монах, не государственный деятель, а обычная женщина, мирянка, что принципиально отличает рассматриваемый текст от традиционных древнерусских агиографий. Известно высказывание замечательного русского ученого Ф.И. Буслаева по поводу «Жития Юлиании Лазаревской»: *В истории литературы древней Руси на долю Муромца по преимуществу досталось литературное развитие идеального характера русской женщины* [4, с. 614]. В связи с этим замечанием ученого можно также вспомнить другую муромчанку, святую Февронию, так же претерпевшую гонения от окружающих, как и Юлиания, но сохранившую верность своему подвижническому призванию [2, с. 166].

Биография героини Солженицына содержит конкретные интертекстуальные отсылки к Житию Юлиании Лазаревской. Начать с того, что писатель привязывает место действия своего рассказа к Муромскому краю: *На 184 километре от Москвы по ветке, что идет к Мурому и Казани...* [9, с. 16].

Сама Матрена Васильевна Григорьева – это святая, живущая в быту.

Матрена вышла замуж не по любви, а ради помощи семье ее жениха, которой, по ее словам, *рук <...> не хватало* [9, с. 36]. Мотив социального служения

Матрены особенно очевиден в сценах ее бескорыстной и даже жертвенной помощи каждому, кто ее об этом попросит, включая представителей колхоза. Ради помощи ближнему, по словам рассказчика, она *покидала свой черед дел* [9, с. 28], а за помощь не брала денег. Одевалась она *кое-как, все по-деревенски*, была *нечистоплотная* [9, с. 52]. Вставала Матрена очень рано, *в четыре-пять утра* [9, с. 22]. Она старалась *утром не запоздниться* [9, с. 22]. При этом подвизническая жизнь Матрены вызывала неодобрение окружающих. Характеристика Матрены со стороны ее золовки выполняет функцию «гласа народа»: *Все отзывы ее о Матрене были неодобрительны: и нечистоплотная она была; и за обзаводом не гналась; и не бережнѣя <...> и, глупая, помогала чужим людям бесплатно (и самый повод вспомнить Матрену выпал – некого было дозвать огород вспахать на себе сохую). И даже о сердечности и простоте Матрены, которые золовка за ней признавала, она говорила с презрительным сожалением* [9, с. 52]. Однако Матрене подобное отношение окружающих отнюдь не мешало следовать по пути социального служения ближнему. Это утверждение следует из отмеченного рассказчиком умения Матрены радоваться *без тени зависти* [9, с. 28] урожаю другого человека, которому она пришла на помощь: *И Матрена не могла отказать. Она покидала свой черед дел, шла помогать соседке и, воротясь, еще говорила без тени зависти:*

– *Ах, Игнатич, и крупная ж картошка у нее! В охотку копала, уходить с участка не хотелось, ей-богу правда!*

Тем более не обходилась без Матрены ни одна хата огорода [9, с. 28].

На наш взгляд, в рассматриваемом фрагменте повествования Солженицын реализует агнографический топос *добротной земли*: Матрена, умеющая радоваться урожаю недружелюбно по отношению к ней настроенного человека, является той самой *доброй землей* (Мф 13: 8, 23), воспринявшей слово Бога. Ее образ метонимически связан с той плодородной землей, которую она обрабатывает, следуя своему социальному призванию.

Истовое исполнение этого призвания не позволило Матрене найти личное счастье в материнстве: представляются убедительными указания А.В. Урманова на неподъемные для женского организма тяжести как на причину ранней смерти шестерых (как и у Юлиании!) детей Матрены [9, с. 137]. При этом Матрена встречает это несчастье с полным смирением, возлагая всю вину на себя как на грешницу, вышедшую замуж в неурочный день: *Как свадьба моя была в Петров день, так и шестого ребенка, Александра, в Петров день схоронила* [9, с. 37]. На наш взгляд, в мотиве смирения героини перед несчастьем ради своих грехов Солженицын реализует агнографический топос «святой – столп терпения», восходящий к «Книге Иова».

Матрена редко ходит в церковь: слишком много у нее дел, да и ближайший храм стоит от нее очень далеко – в пяти верстах. Рассказчик предполагает, что Матрена молилась, но *не показно, стесняясь меня или боясь меня притеснить* [9, с. 31]. На эту мысль его наводит *святой угол в чистой избе, и иконка Николая*

Угодника в кухоньке. Забудни стояли они темные, а во время всенощной и с утра по праздникам зажигала Матрена лампадку [9, с. 31].

Накануне кончины Матрена предстает перед рассказчиком в ореоле света. При этом одна деталь – *укороченные сени избы* как результат жертвенного дарения Матреной горницы, давшие возможность осветить лицо героини, – свидетельствует о христианском генезисе этого образа: *От красного морозного солнца чуть розовым залилось замороженное окошко сеней, теперь укороченных, – и грел этот отсвет лицо Матрены. У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей* [9, с. 40]. В описании останков Матрены рассказчик подчеркивает чудесное спасение правой руки и лица: *Все было месиво – ни ног, ни половины туловища, ни левой руки. Одна женщина перекрестилась и сказала:*

– *Ручку-то правую оставил ей Господь. Там будет Богу молиться...* [9, с. 46].

А в гробу лежала Матрена. Чистой простыней было покрыто ее отсутствующее изуродованное тело, и голова охвачена белым платком, – а лицо осталось целехонькое, спокойное, больше живое, чем мертвое [9, с. 46]. В последнем случае Солженицын реализует агнографический топос, по формулировке Т.Р. Руди, *imitatio angeli*, в котором допускается сопоставление лика преставившегося святого с лицом живого человека или ангела по признаку белого цвета/света. Например, в «Житии Авраамия Чухломского»: *Лице же святого свѣтяшеся яко снегъ, а не яко обычай есть мертвымъ, но яко живу или аггелу Божию, показуя его чистоту и еже от Бога мздовоздажня трудом его* [6, с. 52]. В «Житии Сергия Радонежского» раскрывается символическое значение белого цвета/света: после смерти преподобного лицо его было *светлым, как снег, а не как обычно у мертвых, но как у живого человека или ангела Божьего, показывая этим душевную его чистоту и от Бога воздаяние за труды его* [9, с. 194].

В концовке повествования рассказчик прямо называет Матрену праведником и подчеркивает мотив столпа как конструктивный для создания ее образа. Причем в манере древнерусской агнографии распространил ее влияние на всю Россию: *Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.*

Ни город.

Ни вся земля наша [9, с. 53].

Это прямая реминисценция утверждения Нестора о всероссийском значении деяний святых Бориса и Глеба: *Воистину и без сомнений могу сказать: вы небесные люди и земные ангелы, столпы и опора земли нашей!* [1, т. 1, с. 349].

Из последних примеров употребления агнографической топики видно, сколь широко пользовался ею Солженицын при создании образа Матрены Васильевны Григорьевой. Сюда же относится и уходящий в подтекст повествования Солженицына мотив «талой земли» из Жития Михаила Клопского, уникальный для древнерусской агнографики. В число чудес, совершенных этим новгородским святым, юродивым во Христе, входит предопределение места своего будущего погребения посредством стояния на молитве не

в церкви, а рядом с ней, на церковном дворе. Цитируем вторую редакцию Жития Михаила Клопского как наиболее просторную, содержащую интересующий нас мотив «талой земли»: *И абие пред преставлением своим хожаше к церковному пению, но стоя вне, на правой стороне у церкви на монастыри, против Феодосиева гроба, преже реченнаго. А хто ему почал говорить, игумен или старцы: «Чему, Михайло, не стоишь в церкви, но стоиши вне, на дворе?». И многажды глагола им старецъ блаженный: «Ту аз хочю полежати, ту мое и место» [5, с. 136].* Когда же святой Михаил скончался и пришла пора его хоронить, то никак не могли вырыть для него могилу из-за промерзшей земли, пока не догадались попробовать копать на том месте, где он стоял на молитве. И именно здесь обнаружили талую землю, позволившую выполнить свой долг перед усопшим: *...и тако почали искати места где его положить – земля бо бяше тогда мерзла и нуждею не могоша гроба ископати. И абие игумен и братия спомянуша, где стоял у церкви на молитве пред умертвием, сказаха архиепископу и всем прилучившимся ту. И тако испытати копати того места повеле, где сам преподобный Михайло стоял. И скоро досмотреша того места, и учаша копати, аже земля тала, яко же и среде лета. И ископаша раку и ту его погребоша честно, в ней положиша и воспеша тому надъгробное на уготованнем его месте. И множество же людей, видевшее преславную вещь ту, и прославиша бога, давшиаго толику благодать своему угоднику при его животе, еже сподобися пророческого дара [5, с. 139].*

Мотив «талой земли» содержится уже в названии родной деревни Матрены – Тальново, с ударением на первом слоге в авторской транскрипции [9, с. 18]. Тема «оттепели» акцентируется рассказчиком в связи с событиями вокруг гибели главной героини. Когда Матрена решила на свой жертвенный подвиг дарения горницы, слом дома был для нее, как отмечает рассказчик, *концом ее жизни всей [9, с. 39], трактор не мог вывезти разломанную горницу [9, с. 40] две недели из-за начавшейся оттепели: Вынесены и соштабелеваны были бревна перед воротами, зять-машинист уехал в Черусту за трактором. Но в тот же день началась мятьель – «дуель», по-матрениному. Она кутила и кружила двое суток и замела дорогу непомерными сугробами. Потом, чуть дорогу умяли, прошел грузовик-другой – внезапно потеплело, в один день разом распустило, стали сырые туманы, журчали ручьи, прорывавшиеся в снегу, и нога в сапоге увязала по все голенище. Две недели не давалась трактору разломанная горница! [9, с. 40].* Затем наступил мороз, позволивший вывезти наконец злополучную горницу. Мороз стоял, когда погибла Матрена, и еще спустя три дня после ее гибели, вплоть до похорон. Это следует из указания рассказчика, что *ремонтники мерзли и для обогрева, а ночью и для света раскладывали костры из даровых досок и бревен... [9, с. 49].* Однако когда Матрену хоронили, рассказчик отмечает оттепельный *февральский вновь обсыревший наст [9, с. 50].*

В символическом плане темы «оттепели» в рассказе Солженицына, в подтексте которого лежит мотив «талой земли» из Жития Михаила Клопского, на-

звание деревни Тальново, соотносимое с образами двухнедельной оттепели и *февральского обсыревшего наста*, указывает на место погребения и вечной жизни праведницы и юродивой во Христе Матрены Васильевны Григорьевой.

Итак, подведем итоги нашего исследования. Несмотря на значительное количество в подтексте жизнеописания Матрены Васильевны Григорьевой агниографических топосов, архетипом этого образа является Юлиания Лазаревская. Во-первых, как показала Т.Р. Руди, само Житие этой святой в значительной мере построено на агниографической топике и, таким образом, могло послужить ее источником для автора «Матренина двора». Сюда относятся следующие общие для героинь «Жития Юлиании Лазаревской» (соответственно для героев древнерусской агниографики в целом) и «Матренина двора» мотивы:

- социальное служение, сопровождаемое аскетическими мотивами «бессонного жития», «небрежения своей одеждой/внешним видом»;

- неодобрение социального служения со стороны окружающих и ответное благорасположение к ним праведников, выражаемое в дальнейшем в неуклонном выполнении своего призвания;

- долготерпение, проявляемое героинями в связи со смертью близких. Этот мотив восходит, как показала Т.Р. Руди, к библейской «Книге Иова»;

- нежелание «славы от человек», выражаемое в стремлении не афишировать свою религиозную жизнь;

- традиционная для христианской культуры символика света как божественного начала (Т.Р. Руди);

- чудесное спасение части тела после кончины героинь.

При этом А.И. Солженицын творчески преобразовал в своем повествовании, по сути, создал новый вариант топоса *доброродной земли*, показав умение Матрены радоваться урожаю других людей как на признак благодатного восприятия ею Христовой заповеди *возлюби ближнего твоего, как самого себя (М, 12:31).*

Правда, в концовке рассказа, при описании кончины Матрены и утверждении ее праведнической сути, А.И. Солженицын творчески развивает агниографические топосы *imitatio angeli* и столпа, имеющего всероссийское значение; мотив «талой земли» из «Жития Михаила Клопского». Однако, во-вторых, и это главное, тексты «Жития Юлиании Лазаревской» и «Матренина двора» объединяют такие конкретные мотивы, как место действия (Муромский край), специфическое социальное положение (мирянки, ведущие праведнический образ жизни), удаленное расположение храмов и физическая невозможность их посетить, Николай Чудотворец как любимый святой, наконец, общее несчастье: шесть умерших в младенчестве детей. И хотя Матрена, в отличие от своего житийного прототипа, не проявляет сознательности, рациональности в исполнении церковных догматов, однако, по справедливому замечанию А.В. Урманова, *живет по заповедям Христовым <...>, руководствуясь глубоким внутренним чувством, отчасти интуитивно. Ее религиозность проявляется чаще всего в опосредованных, непрямых формах [9, с. 146].*

Литература

1. Библиотека литературы Древней Руси. Том 15. XVII век / РАН. Институт русской литературы (Пушкинский дом); под редакцией Д. С. Лихачева [и др.]. – Санкт-Петербург : Наука, 2006. – 530 с.
2. Гончаров, П. А. «Настоящий женский характер»: мотив праведничества в очерке В. Астафьева «Паруня» / П. А. Гончаров, П. П. Гончаров // Вестник Бурятского государственного университета. – 2017. – Вып. 3. – С. 161–168.
3. Ковтун, М. В. Иконическая христианская традиция в «Матренином дворе» А. Солженицына и «Избе» В. Распутина: Проблема авторского диалога / М. В. Ковтун // Филологический класс. – 2013. – № 3. – С. 17–25.
4. Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга 1 / [составитель и общее редактирование Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева; вступительная статья Д. С. Лихачева]. – Москва : Художественная литература, 1988. – 704 с.
5. Повести о Житии Михаила Клопского / подготовка текстов и статья Л. А. Дмитриева. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1958. – 182 с.
6. Руди, Т. Р. «Imitatioangeli» (проблемы типологии агиографической топики) / Т. Р. Руди // Русская литература. – 2003. – № 2. – С. 48–59.
7. Руди, Т. Р. «Яко столп непоколебим» (об одном агиографическом топосе) / Т. Р. Руди // Труды отдела древнерусской литературы. – 2004. – Т. LV. – С. 211–227.
8. Руди, Т. Р. О композиции и топике житий преподобных / Т. Р. Руди // Труды отдела древнерусской литературы. – 2006. – Т. LVII. – С. 431–500.
9. Урманов, А. В. Рассказ А. И. Солженицына «Матренин двор»: Комментарий: учебное пособие / А. В. Урманов. – Москва : Флинта, 2018. – 232 с.
10. Шунков, А. В. Житийные традиции в рассказе А. И. Солженицына «Матренин двор» / А. В. Шунков // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 2. – С. 22–25.

V.A. Cherkasov

HAGIOGRAPHIC GENESIS OF THE MAIN CHARACTER'S IMAGE IN ALEXANDER SOLZHENITSYN'S STORY «MATRYONA'S PLACE»

This article analyzes the structure of «The Life of St. Juliana Lazarevskaya» as a model for the main character's life story in «Matryona's Place» by A.I. Solzhenitsyn. Many key aspects that made up the image of Matryona are included in the corpus of topics of Old Russian Hagiography. However, the writer significantly adapted them to the sociopolitical realities of Russia in the 1950s. The active use of hagiographic topics when creating the image of Matryona Vasilyevna Grigorieva testifies to the relevance of the religious and ideological plan for A.I. Solzhenitsyn's work in general.

Alexander Isayevich Solzhenitsyn, «Matryona's Place», «The Life of St. Juliana Lazarevskaya», hagiography, topics.